

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №6, Том 6 / 2018, No 6, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/112PSMN618.pdf>

Статья поступила в редакцию 05.12.2018; опубликована 01.02.2019

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сергуничева Н.А., Василенко В.Е. Интерперсональные компоненты и маркеры эмоциональной компетентности дошкольников в связи с характеристиками семейного взаимодействия // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/112PSMN618.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sergunicheva N.A., Vasilenko V.E. (2018). Interpersonal components and markers of preschoolers' emotional competence due to characteristics of family interaction. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 6(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/112PSMN618.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-013-00990 "Семейные факторы эмоциональной компетентности дошкольников"

УДК 159.922.736.3

ГРНТИ 15.31.31

Сергуничева Надежда Александровна

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия
Аспирант
E-mail: sergunicheva.n@gmail.com

Василенко Виктория Евгеньевна

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: v.vasilenko@spbu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3070-5522>
РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=285619

Интерперсональные компоненты и маркеры эмоциональной компетентности дошкольников в связи с характеристиками семейного взаимодействия

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязей интерперсональных компонентов эмоциональной компетентности старших дошкольников (идентификация эмоций, эмпатия, экспрессия), ее маркеров (самооценка, тревожность, страхи) и характеристик семейного взаимодействия (стилей воспитания, эмоционального взаимодействия матерей с детьми, семейной адаптации и сплоченности). Выборка: 74 диады мать-ребенок: 37 мальчиков и 37 девочек; дети 5 лет ($n = 38$) и дети 6 лет ($n = 36$) из Санкт-Петербурга. Корреляционный анализ выявил, что интерперсональный блок эмоциональной компетентности у дошкольников в целом лучше сформирован при высоком эмоциональном принятии их матерями, зрелости поведенческих проявлений матерей при эмоциональном взаимодействии. Более низкий уровень эмоциональной компетентности дошкольников отмечается при недостаточности требований-обязанностей к ребенку, более выраженных гиперпротекции, фобии утраты ребенка и проекции на ребенка собственных нежелательных качеств. При этом для идентификации эмоций и экспрессии важны как особенности эмоционального взаимодействия, так и стилевые характеристики, а для эмпатии – благополучие в эмоциональной стороне взаимодействия матерей с детьми. Идентификация эмоций менее сформирована при

неустойчивости стиля воспитания. Обнаружен компенсаторный механизм в формировании эмоциональной компетентности при проблемных зонах семейного взаимодействия. Дошкольники, у матерей которых ниже понимание причин состояния ребенка, лучше определяют эмоции по фотографиям. Маркеры эмоциональной компетентности детей взаимосвязаны, прежде всего, со стилевыми характеристиками воспитания и личностными особенностями матерей, влияющими на воспитание. Так, самооценка дошкольников выше при требовательности матерей к обязанностям детей. Тревожность детей выше при более выраженных наказаниях в семье и в то же время при предпочтении матерью в ребенке детских качеств. Страхи у детей менее выражены при расширении родительских чувств, неустойчивости стиля воспитания, при предпочтении в ребенке детских качеств и воспитательной неуверенности матери, т. е. при характеристиках, указывающих на мягкость и неуверенность матери, а также при неразвитости родительских чувств. В то же время усиливать страхи могут потворствование и, наоборот, излишняя требовательность. Страхи менее выражены при гибкости семейной системы и удовлетворенности матерей семейной сплоченностью. Таким образом, безусловное принятие ребенка, зрелость поведенческих проявлений матерей при эмоциональном взаимодействии и стилевых характеристик воспитания могут рассматриваться в качестве ресурсов для формирования эмоциональной компетентности у старших дошкольников.

Ключевые слова: старшие дошкольники; эмоциональная компетентность; интерперсональные компоненты и маркеры эмоциональной компетентности; идентификация эмоций; эмпатия; экспрессия; самооценка; тревожность; страхи; стилевые характеристики воспитания; эмоциональное взаимодействие матерей с детьми; семейная адаптация и сплоченность

Эмоциональное развитие ребенка связано с формированием его личности и является ключевым для общего психологического благополучия. Следует также отметить его тесное переплетение с формированием когнитивных функций и социальным контекстом. Дошкольный период – время интенсивных новообразований в эмоциональной сфере.

Можно выделить следующие направления исследований эмоционального развития дошкольников: идентификация и понимание эмоций; рефлексия; эмоциональная саморегуляция; эмоциональная экспрессия; эмпатия и формирование социальных эмоций.

В старшем дошкольном возрасте основными новообразованиями являются увеличение спектра переживаний, более точная идентификация, осознание и вербализация своих эмоций и чувств, а также переживаний других людей, повышение саморегуляции эмоциональных состояний, развитие эмоциональной экспрессии, эмпатии и социальных эмоций, появление способности к эмоциональному предвосхищению.

Так, А.М. Щетинина экспериментально выделила 6 типов восприятия дошкольниками эмоций других людей: довербальный, диффузно-аморфный, диффузно-локальный (4-5 лет), аналитический, синтетический и аналитико-синтетический (6-7 лет) [1]. В ряде дальнейших исследований подтверждена более точная и детализированная идентификация эмоций к старшему дошкольному возрасту [2, 3, 4]. Детям 5 лет легче распознавать радость, грусть и гнев, несколько сложнее страх, более сложно отвращение и нейтральное выражение [5]. После 5 лет дети начинают лучше дифференцировать не только позитивные, но и негативные эмоции. По данным Е.А. Сергиенко с соавторами, в 5-летнем, а особенно в 6-летнем возрасте отмечаются значимые сдвиги в развитии модели психического. Ребенок переходит с уровня агента на уровень наивного субъекта. Это выражается в появлении ситуационной независимости и возможности ментального влияния на модель другого [6]. Возраст шести лет

можно считать сензитивным для развития способности к распознаванию эмоциональных состояний по выражению лица. Выявлено, что дошкольникам в целом легче распознать женскую лицевую экспрессию и что девочки более успешны в распознавании эмоций по сравнению с мальчиками [3].

Важными тенденциями в осознании собственных эмоций у детей 4-5 лет являются усложнение способности к анализу социальных причин переживаний и осознание возможности самоконтроля. Дети 5-7 лет с высоким уровнем осознания эмоциональных состояний (22 %) показывают возможности произвольной регуляции отрицательных эмоций [7]. А.А. Ошкина и И.Г. Цыганкова полагают, что формирование саморегуляции стоит рассматривать не с ракурса контроля и подавления эмоций, а как развитие способности детей овладевать новыми способами саморегуляции на основе определения эмоционального состояния и вызывающих его причин [8].

Исследование эмоциональной экспрессии обычно идет в контексте изучения повышения саморегуляции и осваивания «языка чувств» [4].

Что касается изучения эмпатии, то Е.Н. Васильевой выявлено, что около 55% детей 4-5 лет и около 78 % дошкольников 6-7 лет в ситуации прогнозирования склонны к проявлению эмпатии и оказанию помощи другому [9]. С.Н. Сорокоумовой выделено 3 уровня развития эмпатии у детей: 1. позитивное отношение к другому, гуманистическая направленность; 2. нейтральное отношение к другому, некоторая эмоциональная автономность и 3. негативная направленность на другого. Выявлено, что 60 % старших дошкольников с нормативным психическим развитием демонстрируют первый (наиболее зрелый) уровень эмпатии в реальных ситуациях взаимодействия со сверстниками. 20 % детей проявили второй уровень и 20 % детей – третий [10].

В исследованиях М. Митру, Е.В. Никифоровой показано, что старший дошкольный возраст является сензитивным периодом для формирования социальных эмоций [4].

Еще одно важное направление изучения эмоциональной сферы связано с проблемными зонами – это изучение страхов и тревожности у дошкольников. С развитием воображения диапазон страхов старших дошкольников расширяется. Исследование А.И. Захарова показало, что этот период – самый уязвимый и напряженный в отношении разнообразных страхов, после 5 лет наиболее ярко выражен страх смерти, детям начинают чаще сниться кошмарные сны. При этом страхи более выражены у девочек [11]. Исследование С.В. Чернобровкиной и В.В. Гусаровой (2016) подтверждает эти данные – в дошкольном возрасте наблюдается большое количество страхов за счет тесного сплетения эмоций и воображения в этот период, основной страх – страх смерти (собственной и родителей). Также наблюдаются медицинские и пространственные страхи, страхи стихий, темноты и кошмарных сновидений, сказочных персонажей. Наименее выражены в данный период страхи родителей, воды, замкнутых пространств, больших улиц и транспорта, выраженность социальных страхов пока невысока [12]. В то же время в исследовании Ю.А. Кочетовой (2012) на выборке 250 старших дошкольников из Москвы были выявлены другие данные – ведущими страхами у детей являются страхи нападения и наказания, а также страх несоответствия требованиям родителей. При этом сохраняют свою актуальность и «магические страхи» (сказочных персонажей, чудовищ) [13].

Другой проблемой детей является тревожность, у старших дошкольников одним из увеличивающих ее факторов становится неопределенность будущего, связанная с поступлением в школу.

А.М. Прихожан отмечает, что страх в большей степени связан с реакцией на конкретную опасность, т. е. носит объектный характер (пусть даже и воображаемый), а тревожность

является переживанием менее определенной безобъектной угрозы. Другой критерий деления – страх чаще связан с витальной угрозой, а тревожность – с социальной [14].

Современные исследования на российских выборках детей из разных городов и сельской местности показывают противоречивую картину уровня тревожности у дошкольников. В ряде исследований с использованием проективного теста Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен выявлено преобладание среднего уровня тревожности, хотя процент детей с высокой тревожностью в этих исследованиях довольно высок – колеблется от 35 % [15, 16, 17]. В исследовании И.В. Илларионовой процент дошкольников 5-6 лет из г. Чебоксары с высокой тревожностью достигает уже 57 % [18]. В исследовании Н.Ю. Крутицкой у старших дошкольников 5-7 лет из Санкт-Петербурга был обнаружен средний уровень тревожности, высокой тревожностью отличались дошкольники из сельского ГДОУ Ленинградской области [19]. Как показал анализ структурных характеристик семьи, высокой тревожностью характеризуются дети из неполных семей [15].

Кроме изучения отдельных компонентов следует отметить интегративные направления в изучении эмоциональной сферы дошкольников – это, с одной стороны, проблема эмоционального неблагополучия, а с другой – разработка конструкторов психоэмоционального благополучия детей, их эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности.

Огромное значение в этом плане имеют семейные факторы. Семейный климат, характер детско-родительских отношений оказывают влияние на психоэмоциональное благополучие детей. Семья – это первая среда, в которой дети узнают об эмоциях, а также репетиционная сцена для развития эмоциональных навыков.

Одной из причин эмоционального неблагополучия дошкольников является дефицит или неудовлетворенность общением со взрослыми и сверстниками [20]. Как мы видели на примере тревожности, в настоящее время наблюдается тенденция к росту количества детей с эмоциональными проблемами, испытывающих эмоциональный дискомфорт и напряженность [17, 18]. Как отмечает И.В. Фаустова, это связано с нарушениями в системе детско-родительских отношений, которые обусловлены повышенной невротизацией взрослых, актуализацией внутриличностных конфликтов, повышенной психической перегрузкой, связанной с ритмом жизни.

Что касается понятий эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности, то у дошкольников оба эти комплексных образования находятся еще в стадии становления. Тем не менее, конструкт «эмоциональная компетентность», введенный в 1990 г. С. Saarni, начинает разрабатываться в современных зарубежных исследованиях применительно к детям, включая эмоциональную экспрессию, регуляцию и распознавание эмоций [21, 22].

Из отечественных исследований в этом плане следует отметить модель Н.Н. Смирновой и С.С. Савеньшевой для дошкольников, построенную на основе модели эмоциональной компетентности взрослых Г.В. Юсуповой [23]. Эмоциональная компетентность – набор ключевых навыков, которые важны для психоэмоционального благополучия ребенка и его социальной адаптации. Модель имеет 2 измерения: когнитивный/поведенческий компонент и интраперсональный/интерперсональный блок. На пересечении этих двух измерений располагаются 4 основных компонента:

1. идентификация эмоций – распознавание и понимание эмоций других (когнитивный компонент, интерперсональный блок);
2. рефлексия (когнитивный компонент, интраперсональный блок);
3. саморегуляция (поведенческий компонент, интраперсональный блок);
4. эмпатия (поведенческий компонент, интерперсональный блок).

Как мы видим, модель включает основные компоненты эмоциональной сферы, описанные выше. Ее можно модифицировать, добавив к эмпатии эмоциональную экспрессию.

Маркерами эмоциональной компетентности можно считать параметры психоэмоционального благополучия детей: высокая адекватная самооценка, умеренный уровень тревожности и отсутствие ярко выраженных страхов, выходящих за пределы возрастных нормативов.

Семейные факторы, влияющие на эмоциональную компетентность, делятся на 2 блока: содержательные характеристики семьи (стилевые характеристики воспитания, особенности детско-родительского взаимодействия, интегральные показатели семейного функционирования) и структурные характеристики семьи (полная/неполная семья, наличие у ребенка сиблингов, количество детей в семье).

Эмпирических исследований влияния семейных факторов на эмоциональную компетентность дошкольников как целостное образование пока практически нет. В связи с этим нами был проведен анализ исследований влияния семейных факторов на отдельные компоненты и маркеры эмоциональной компетентности детей.

Семейный контекст влияет на развитие эмоциональной сферы тремя способами: через наблюдение; через методы воспитания и поведение родителей, связанные с социализацией эмоций; посредством эмоционального климата в семье, который отражается в качестве привязанности, стиле воспитания, благополучии супружеских отношений [24].

Так, ранний эмоциональный опыт оказывает влияние на способность ребенка отзываться на эмоции окружающих. Это подтверждают исследования, где изучались особенности понимания эмоций детьми, подвергшимися жестокому обращению (S.Pollak, D. Kistler, 2002; S. Pollak, S. Tolley-Schell, 2003). Атмосфера заботы, внимания, защищенности создает благоприятные условия для успешного формирования эмоциональных навыков ребенка. В то же время пренебрежение, отвержение и жестокое обращение обучают ребенка иным стратегиям реагирования с целью адаптации к травмирующим условиям, что искажает его эмоциональную сферу [25].

В исследовании Т. Reynolds было обнаружено, что дети, подвергшиеся жестокому обращению в семье, демонстрируют гиперчувствительность к индикаторам гнева. Распознавание индикаторов позволяет мобилизовать когнитивные ресурсы для улавливания чуть заметных сигналов гнева, что в результате приводит к искаженной интерпретации социальных сигналов из окружающей среды [26].

В зарубежных исследованиях изучается также влияние депрессии матерей и отцов на распознавание эмоций детьми. Выявлено, что дети младшего дошкольного возраста хуже распознают эмоции при поведении родителей, связанном с враждебностью и навязчивостью и материнская депрессия влияет на навыки распознавания эмоций только в сочетании с такими параметрами воспитания [27].

Наблюдая за взрослыми, ребенок заимствует эмоциональные модели. В исследовании K.L. Eaton (2001) показана взаимосвязь эмоционального стиля родителей с пониманием дошкольниками эмоциональных состояний. Так, распознавание эмоций по лицевой экспрессии лучше у детей, чьи матери более экспрессивны. Рассказы об эмоциях, а также использование языка эмоций в общении с ребенком улучшают способности ребенка распознавать эмоции [28].

Кроме прямых взаимосвязей в сфере идентификации эмоций выявлены и обратные, связанные с действием компенсаторных механизмов. Так, Е.М. Листик обнаружено, что старшие дошкольники, переживающие семейную ситуацию как проблемную, более успешно распознают эмоциональные состояния. Наличие семейного конфликта повышает чуткость

ребенка, его компетентность в «прочтении» эмоций другого. Возможна и обратная связь: восприимчивость ребенка к эмоциональным состояниям родителей влияет на усиление его чувствительности к проблемным семейным ситуациям и их переживанию. Интенсивное и открытое проявление эмоций матерью, в том числе и негативных, способствует высокому уровню развития у ребенка распознавания эмоций [3].

Похожие тенденции выявлены в исследовании Н.В. Горбуновой и Е.Г. Трошихиной на примере младших дошкольников – обнаружено, что идентификация эмоций у детей лучше сформирована при недостаточном эмоциональном благополучии в детско-родительских отношениях, в частности, связанном с установками матерей на властность и на зависимость ребенка [29].

В ряде исследований показано, что дети, растущие с менее экспрессивными родителями, более успешны в опознании эмоций, поскольку им приходится тратить больше усилий на распознавание их эмоций [7].

С идеей компенсаторных механизмов переключаются и данные относительно взаимосвязи тревожности ребенка с его способностью распознавать эмоции. Так, выявлено, что дети 4-5 лет с высокой социальной тревожностью могут достаточно хорошо распознавать эмоции сверстников [30].

В исследовании С.Н. Сорокоумовой показано, что ведущим условием развития эмпатии к сверстникам у старших дошкольников с разным темпом психического развития является эмоциональный компонент детско-родительского взаимодействия. Эмпатия формируется опосредованно через безусловное принятие ребенка, путем развития способности родителей воспринимать состояние ребенка, оказывать ему эмоциональную поддержку, ориентироваться на его состояние при построении взаимодействия [10]. В то же время признаки наличия компенсаторных механизмов могут проявиться и в сфере социальных эмоций – при меньшей удовлетворенности матерей отношениями с ребенком у дошкольников выше сформированность социальных эмоций [15].

Из комплексных исследований влияния семейных факторов на эмоциональное развитие дошкольников следует отметить исследование Н.А. Довгой. Она изучала как разные компоненты эмоционального развития дошкольников, так и содержательные, и структурные характеристики семьи. В результате ей выявлен ряд факторов семейного воспитания и индивидуально-психологических особенностей матерей, которые влияют на развитие эмоциональной сферы детей. К ним относятся тревожность, непоследовательность матери, доминирующая гиперпротекция, эмоциональная отстраненность, индифферентность, родительская незрелость, формальное принятие и попустительство. Кроме прямых взаимосвязей выявлены и компенсаторные механизмы. Так, тревожность матери, непоследовательность воспитания, эмоциональная отстраненность и доминирующая гиперпротекция задерживают формирование рефлексивного компонента, но ускоряют развитие перцептивного и когнитивного компонентов эмоциональной сферы. Показано неоднозначное влияние структурных характеристик семьи на эмоциональное развитие детей на протяжении дошкольного возраста. Так, дети из неполных семей в возрасте 4 и 5 лет опережают своих сверстников из полных семей в формировании перцептивного, когнитивного и вербального компонентов, а в 6 лет отстают по показателям перцептивного компонента. Дети, имеющие брата или сестру, в 4 года лучше понимают причины возникновения эмоций по сравнению с единственными детьми, но в 5 лет уступают им в понимании маркеров эмоций, вербализации и рефлексии эмоций. Дети из расширенных семей в возрасте 4 и 5 лет опережают детей из нуклеарных семей в становлении перцептивного и вербального компонентов, но отстают по показателям рефлексивного компонента [31].

Что касается маркеров эмоциональной компетентности и психоэмоционального благополучия (самооценка, тревожность и страхи), то в ряде современных исследований подтверждена их взаимосвязь с семейными факторами.

Так, в исследовании И.В. Фаустовой обнаружена взаимосвязь эмоционального неблагополучия старших дошкольников (заниженной самооценки, высоких показателей тревожности и страхов) с такими параметрами детско-родительских отношений как эмоциональное отвержение ребенка, излишняя эмоциональная дистанция между родителем и ребенком, непоследовательность родителя в воспитании [17].

По данным Л.А. Головей, В.Е. Василенко и С.С. Савеньшевой значимым ресурсом для формирования эмоционально-личностных особенностей дошкольников выступает благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми, прежде всего, зрелость его поведенческих проявлений. При лучшей сформированности у матерей умений ориентироваться на состояние ребенка и воздействовать на него, оказывать ему эмоциональную поддержку, устанавливая телесный контакт с ребенком дети характеризуются более высокой самооценкой и меньшей агрессивностью. Обнаружено повышение тревожности при чрезмерности санкций, гиперпротекции и расширении сферы родительских чувств. В исследовании изучались и структурные характеристики семьи. Выявлено, что дошкольники из неполных семей отличаются более высокой тревожностью, и более выраженными признаками незащищенности и депрессивности. Фактор наличия сиблингов не оказался значимым [15].

В исследовании Е.А. Падуринной показано, что позитивные родительские чувства являются фактором формирования адекватной самооценки дошкольника. Противоречивость, неустойчивость и недоразвитие компонентов системы позитивных родительских чувств может привести к формированию различных видов неадекватной общей и частной самооценки [32].

В возникновение тревожности большой вклад вносит семейное окружение – особенности детско-родительских и внутрисемейных отношений могут создавать условия для психотравмирующей ситуации [18]. В исследовании Н.В. Мазуровой и Ю.А. Трофимой выявлен ряд характеристик взаимодействия в семьях с тревожными дошкольниками, связанный, прежде всего с гиперопекой и воспитательной конфронтацией [16].

В исследовании Ю.А. Кочетовой обнаружено, что возникновение страхов у старших дошкольников связано с низким уровнем эмоциональной близости, с высокой тревожностью в детско-родительских отношениях, со сниженными показателями безусловного принятия ребенка, способности родителей воспринимать и понимать причины его эмоционального состояния, оказывать ему эмоциональную поддержку. Микровозрастной анализ показал, что кроме перечисленного к возникновению страхов у детей 5-6 лет приводят высокая конфронтация родителей, сниженная эмпатия, низкое стремление к телесному контакту, у детей 6-7 лет – высокие требовательность и строгость родителя, непоследовательность воспитания и сниженная ориентация на состояние ребенка [13].

Как показывает проведенный анализ, несмотря на большое число исследований эмоционального развития дошкольников и ряд исследований семейных факторов, комплексных исследований не так много. На наш взгляд, актуальным является изучение влияния семейных факторов на эмоциональную компетентность как целостное образование. Также представляется интересным уточнение данных о компенсаторных механизмах в развитии эмоциональной компетентности дошкольников. В нашем исследовательском проекте за основу взята модель эмоциональной компетентности дошкольников Н.Н. Смирновой и С.С. Савеньшевой. Одной из частей проекта, представленной в данной статье, является изучение интерперсонального блока эмоциональной компетентности, ее маркеров и их взаимосвязей с семейными факторами.

Организация и методы эмпирического исследования

Основной целью нашего исследования стало выявление взаимосвязей интерперсональных компонентов эмоциональной компетентности и ее маркеров с характеристиками семейного взаимодействия.

При этом к интерперсональным компонентам эмоциональной компетентности мы относим эмоциональную идентификацию, эмпатию и экспрессию, к маркерам эмоциональной компетентности – уровни самооценки, тревожности и страхов. В качестве характеристик семейного взаимодействия мы рассматриваем стилевые характеристики воспитания матерей, параметры их эмоционального взаимодействия с детьми и характеристики семейной адаптации и сплоченности.

На основе пилотажного исследования была уточнена **основная гипотеза исследования**: Зрелость стилевых характеристик воспитания матерей, благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми, гибкость и сплоченность семейной системы в целом взаимосвязаны с лучшей сформированностью эмоциональной компетентности. В то же время возможно наличие компенсаторных механизмов в развитии эмоциональной идентификации – когда дети лучше распознают эмоции в случае проблемных зон в семейном взаимодействии.

Выборка исследования. Исследование проводилось в 2017-2018 гг. на базах ГБДОУ №120 и ГАДОУ №53 г. Санкт-Петербурга. В нем приняли участие 74 диады мать-ребенок (37 мальчиков и 37 девочек), возраст детей – от 5 до 6 лет, средний возраст 5 лет 6 мес. По возрасту выборка была разделена на 2 группы: дети 5 лет – 38 детей (19 мальчиков и 19 девочек) и дети 6 лет – 36 ребенок (18 мальчиков и 18 девочек). По структурным характеристикам семьи: 62 ребенка (84 %) из полных семей, 12 детей (16 %) из неполных. 25 детей (34 %) – единственные и 49 детей (66 %) имеют сиблингов. 78 % матерей имеют высшее образование. Возраст матерей – от 24 до 48 лет, средний возраст – 34 года.

Методы исследования

Для изучения интерперсональных компонентов эмоциональной компетентности использовались методика «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой [4], методика «Неоконченные рассказы» Т.П. Гавриловой (для изучения эмпатии) [33], анкета-опросник для родителей «Представления родителей об эмоциональных особенностях ребенка» Е.И. Изотовой (для изучения эмоциональной экспрессивности, сумма ответов на вопросы 11 и 12) [4]. На основе показателей этих трех методик мы определяли уровни сформированности трех компонентов эмоциональной компетентности (идентификация эмоций, эмпатия и экспрессия) и обобщали их в интегративный показатель – уровень сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности: 1 – низкий, 2 – средний и 3 – высокий.

Для исследования маркеров эмоциональной компетентности применялись методика «Лесенка» В.Г. Щур в модификации 7 ступенек (для изучения самооценки), тест тревожности Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен [34] и тест на выявление детских страхов А.И. Захарова, М. Панфиловой [11].

Для изучения семейного взаимодействия использовались опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса для родителей детей в возрасте 3-10 лет, опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой и Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-III) Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера [35].

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам возраста, пола,

структуры семьи (полная/неполная), наличия сиблингов и корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило, что из показателей эмоциональной идентификации у дошкольников нашей выборки лучше всего сформировано восприятие экспрессивных признаков (мимических) по схематичным изображениям гномов (рис. 1) – почти у половины детей оно на высоком уровне ($M = 2,41$). В то же время понимание эмоционального содержания, т. е. выделение маркеров эмоциональной экспрессии при прорисовке выражений лиц гномов ($M = 2,09$) и идентификация эмоций по фотографиям ($M = 2,22$) соответствуют среднему уровню.

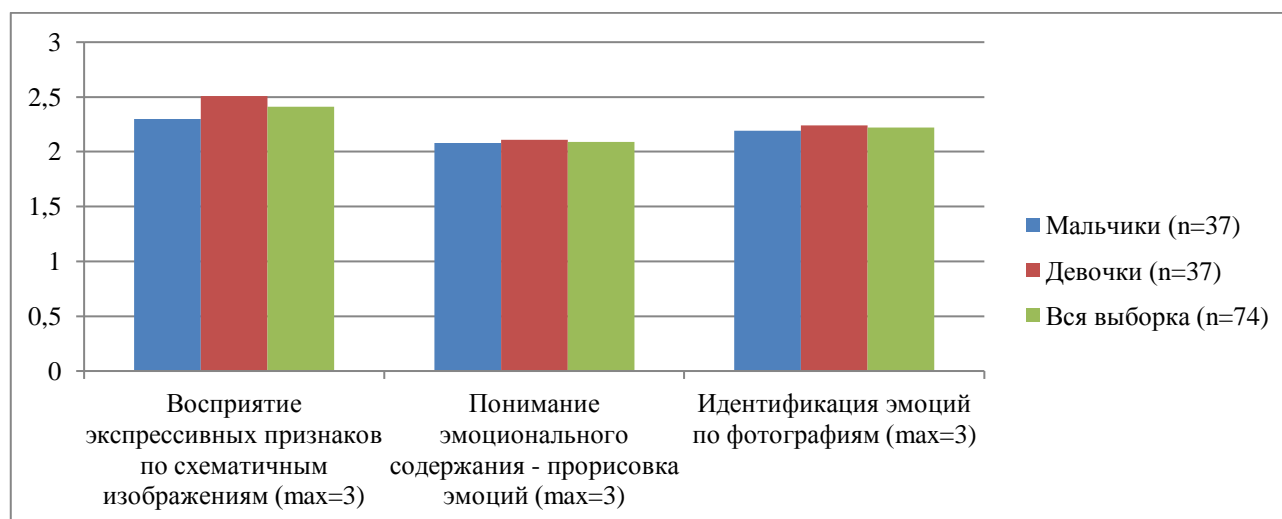

Рисунок 1. Показатели эмоциональной идентификации по методике Е.И. Изотовой (*низкий уровень – 1 балл, средний уровень – 2 балла и высокий уровень – 3 балла)

Различий по факторам пола, возраста детей и наличия у них сиблингов в показателях эмоциональной идентификации не выявлено. Обнаружено лишь одно различие по структуре семьи – на уровне статистической тенденции идентификация эмоций по фотографиям выше у детей из полных семей ($F = 3,48, p < 0,1$).

По другим показателям компонентов эмоциональной компетентности и по ее общему (среднему) уровню представим данные в табл. 1.

Таблица 1

Показатели компонентов эмоциональной компетентности дошкольников (идентификации эмоций, эмпатии, экспрессии) и ее среднего уровня

	Вся выборка (n = 74)		Мальчики (n = 37)		Девочки (n = 37)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	F-кр.	Знач.
Методика «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой (1 – низкий уровень, 2 – средний уровень и 3 – высокий уровень)								
Общий показатель эмоциональной идентификации (сумма по 3 субтестам) (max = 9)	6,72	0,97	6,57	0,99	6,86	0,95	-	-
Методика «Неоконченные рассказы» Т.П. Гавриловой								
Гуманистический тип эмпатии (max = 3)	1,61	0,98	1,59	1,01	1,63	0,96	-	-
Эгоцентрический тип эмпатии (max = 3)	1,39	0,98	1,41	1,01	1,38	0,96	-	-

	Вся выборка (n = 74)		Мальчики (n = 37)		Девочки (n = 37)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	F-кр.	Знач.
Анкета-опросник для родителей «Представления родителей об эмоциональных особенностях ребенка» Е.И. Изотовой								
Эмоциональная экспрессия (max = 6)	5,70	0,61	5,62	0,68	5,78	0,53	-	-
Уровень сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности – интегративный показатель по 3 методикам (max = 3)	2,10	0,50	2,00	0,46	2,20	0,52	3,18	0,079

Как видно из табл. 1, общий показатель эмоциональной идентификации соответствует среднему уровню.

Гуманистический и эгоцентрический типы эмпатии выражены примерно на одном уровне с небольшим преобладанием гуманистического – старшие дошкольники уже способны проявить сочувствие к другим людям (взрослому и сверстнику), а также к животному, сделав выбор в их пользу.

По оценкам матерей дети характеризуются высоким уровнем эмоциональной экспрессии – матери отмечают выразительность их лиц и что по ним легко догадаться об эмоциях ребенка.

По обобщенным данным у детей преобладает средний уровень сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности. Так, средний уровень выявлен у 47 детей нашей выборки (63,5 %). Высоким уровнем обладают 19 детей (26 %) и низким – 8 детей (11 %).

Выявлено, что у девочек на уровне статистической тенденции эмоциональная компетентность выше, чем у мальчиков.

Других различий по факторам пола, возраста, структуры семьи и наличия сиблингов не выявлено.

В табл. 2 представлены результаты исследования маркеров эмоциональной компетентности у старших дошкольников.

Таблица 2

**Показатели маркеров эмоциональной компетентности
дошкольников (уровней самооценки, тревожности и страхов)**

	Вся выборка (n = 74)		Мальчики (n = 37)		Девочки (n = 37)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	F-кр.	Знач.
Методика «Лесенка» В.Г. Щур*								
Самооценка (max = 7)	6,35	1,43	5,93	1,86	6,75	0,65	4,89	0,031
Тест тревожности Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен								
Индекс тревожности (max = 100 %)	54,96	21,46	52,33	23,06	57,52	19,77	-	-
Тест А.И. Захарова, М. Панфиловой «Страхи в домиках»								
Общее количество страхов (max = 29)	9,85	5,55	8,27	4,81	11,43	5,84	6,46	0,013

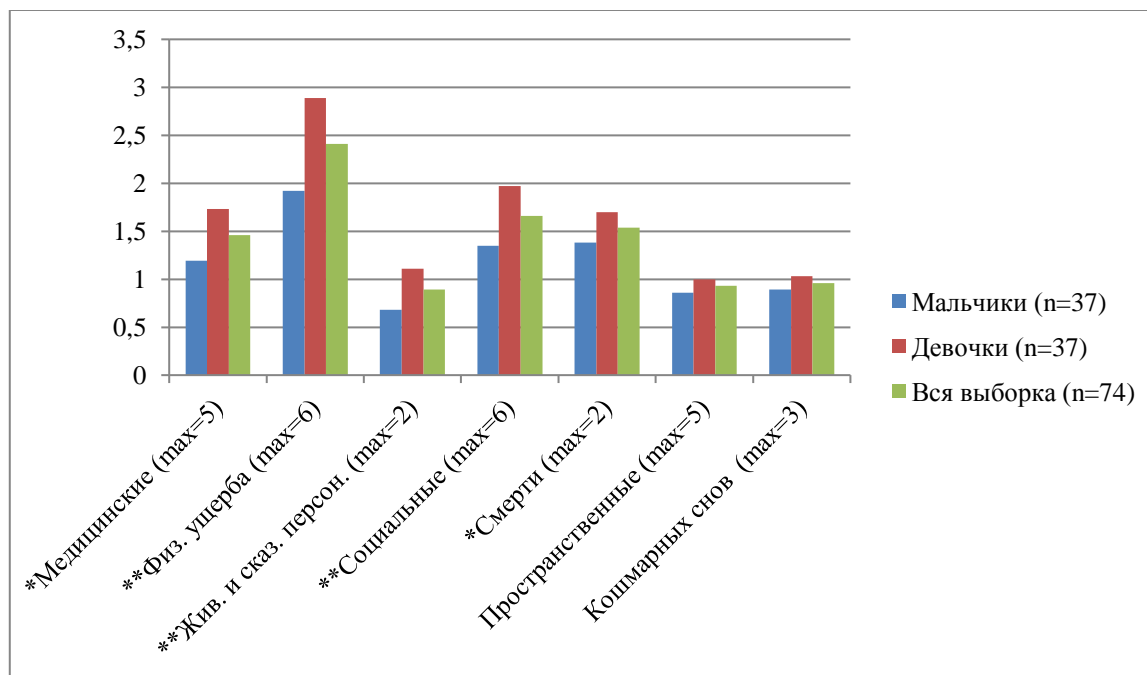
* *Выборка детей, с которыми проводилась «Лесенка» – 55 детей (27 мальчиков и 28 девочек)*

Дошкольники нашей выборки характеризуются высоким уровнем самооценки, самооценка девочек по сравнению с мальчиками выше ($p < 0,05$).

В то же время выявлен высокий уровень тревожности детей. По данным частотного анализа 52 % детей характеризуются высоким уровнем тревожности (ИТ более 50 %), 44 % детей – средним (ИТ от 20 до 50 %) и только 4 % детей – низким (ИТ менее 20 %).

Общее количество страхов у детей соответствует нормативным значениям.

Представим количество страхов отдельных категорий на рис. 2.

* – различие по полу на уровне стат. тенденции $p < 0,1$; ** – различие по полу на уровне $p < 0,05$

Рисунок 2. Показатели категорий страхов дошкольников по тесту А.И. Захарова, М. Панфиловой

Как видно из рис. 2, у дошкольников нашей выборки встречаются страхи всех категорий. При этом больше всего страхов отмечается по категории «страхи физического ущерба» – дети боятся стихии, войны, пожара, неожиданных звуков, транспорта. На втором месте по количеству страхов находится категория социальных страхов (других людей, наказаний, опозданий, одиночества). На третьем месте находится страх смерти. Следует отметить, что из отдельных страхов страх смерти является ведущим.

У девочек по сравнению с мальчиками больше общее количество страхов ($p < 0,05$), а также количество страхов разных категорий: физического ущерба, животных и сказочных персонажей, социальных ($p < 0,05$), а также на уровне статистической тенденции – медицинских и смерти. Различий по полу нет только по пространственным страхам и страхам кошмарных снов.

Что касается факторов возраста, структуры семьи и наличия сиблингов, то из всех исследуемых маркеров эмоциональной компетентности выявлены только 2 различия на уровне статистической тенденции. Так, у детей, имеющих сиблингов, более выражены медицинские страхи ($F = 3,93, p < 0,1$) и страхи животных и сказочных персонажей ($F = 2,95, p < 0,1$). Как мы видим, основные различия в показателях маркеров эмоциональной компетентности выявлены по фактору пола и касаются самооценки и страхов.

В характеристиках семейного взаимодействия различий по полу выявлено мало, поэтому в таблицах представим данные только по общей выборке.

Показатели стилевых характеристик воспитания и личностных проблем матерей, связанных с воспитанием представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели стилевых характеристик воспитания и личностных особенностей матерей по опроснику АСВ Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса

	Вся выборка (n = 71)			
	Ср. знач.	Ст. откл.	% выраж. от max по шкале	% крит. знач. по выборке
Гиперпротекция (max = 10, крит. зн. = 7)	4,52	2,27	45 %	18 %
Гипопротекция (max = 10, крит. зн. = 8)	2,54	1,36	25 %	0 %
Потворствование (max = 10, крит. зн. = 8)	3,83	2,00	38 %	3 %
Игнорирование потребностей ребенка (max = 5, крит. зн. = 4)	0,61	0,82	12 %	0 %
Чрезмерность требований-обязанностей (max = 5, крит. зн. = 4)	1,23	0,66	25 %	0 %
Недостаточность требований-обязанностей (max = 5, крит. зн. = 4)	2,10	1,47	42 %	17 %
Чрезмерность требований-запретов (max = 5, крит. зн. = 4)	1,35	1,22	27 %	6 %
Недостаточность требований-запретов (max = 5, крит. зн. = 3)	1,68	1,03	34 %	17 %
Чрезмерность санкций (max = 5, крит. зн. = 4)	0,72	0,86	14 %	0 %
Минимальность санкций (max = 5, крит. зн. = 4)	2,94	1,35	59 %	41 %
Неустойчивость стиля воспитания (max = 5, крит. зн. = 5)	1,96	1,31	39 %	1,5 %
Расширение сферы родительских чувств (max = 10, крит. зн. = 6)	2,42	1,61	24 %	3 %
Предпочтение детских качеств (max = 5, крит. зн. = 4)	1,30	1,19	26 %	4 %
Воспитательная неуверенность (max = 5, крит. зн. = 5)	2,62	1,27	52 %	8 %
Фобия утраты ребенка (max = 10, крит. зн. = 6)	1,35	1,22	14 %	1,5 %
Неразвитость родительских чувств (max = 10, крит. зн. = 7)	1,24	1,35	12 %	0 %
Проекция нежелательных качеств (max = 5, крит. зн. = 4)	1,08	1,19	22 %	4 %
Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (max = 5, крит. зн. = 4)	0,42	0,77	8 %	0 %
Предпочтение женских качеств (max = 5, крит. зн. = 4)	2,01	1,76	40 %	24 %
Предпочтение мужских качеств (max = 5, крит. зн. = 4)	0,48	0,81	10 %	0 %

Анализ стилевых характеристик воспитания выявил, что преобладающими по выраженности (с учетом разного количества max баллов по шкалам) являются минимальность санкций, гиперпротекция и недостаточность требований-обязанностей. Из личностных проблем матерей наиболее выражены воспитательная неуверенность и предпочтение в ребенке женских качеств.

Частотный анализ встречаемости отклоняющихся стилевых характеристик обнаружил, что у 41 % матерей встречается недостаточность санкций, у 18 % – гиперпротекция, у 17 % – недостаточность требований-обязанностей и требований-запретов. Такое сочетание стилевых характеристик свидетельствует о типе семейного воспитания «потворствующая гиперпротекция». Значительно реже встречаются такие отклонения как чрезмерность требований запретов (у 6 % матерей), потворствование как отдельная характеристика (3 %) и неустойчивость стиля воспитания (1,5 %). Не выявлено отклонений по шкалам: гипопротекция, игнорирование потребностей ребенка, чрезмерность требований-обязанностей и чрезмерность санкций.

Эти тенденции согласуются с тем, что для 24 % матерей нашей выборки характерно предпочтение в ребенке женских качеств (независимо от пола ребенка). Воспитательная неуверенность отмечается у 8 % матерей. Довольно редко встречаются отклонения по шкалам: предпочтение детских качеств и проекция собственных нежелательных качеств на ребенка (4 %), расширение сферы родительских чувств (3 %) и фобия утраты ребенка (1,5 %). Не выявлено отклонений по шкалам: неразвитость родительских чувств, вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания и предпочтение мужских качеств.

Что касается различий в связи с возрастными-половыми и семейными факторами, то по каждому из них обнаружено по одному различию. Так, расширение сферы родительских чувств больше выражено у матерей мальчиков ($F = 4,93, p < 0,05$). Предпочтение в ребенке мужских качеств более выражено у матерей детей 6 лет ($F = 4,77, p < 0,05$), а женских качеств – у матерей единственных детей ($F = 6,04, p < 0,05$) и в неполных семьях ($F = 3,48, p < 0,1$).

Таблица 4

Показатели характеристик эмоционального взаимодействия матерей с детьми по ОДРЭВ Е.И. Захаровой

Показатели по шкалам (max = 5)	Вся выборка (n = 74)		
	Ср. знач.	Ст. откл.	% крит. знач. по выборке
Способность воспринимать состояние ребенка (крит. зн. = 3,7)	4,22	0,69	27 %
Понимание причин состояния (крит. зн. = 3,2)	3,78	0,63	16 %
Способность к сопереживанию (эмпатия) (крит. зн. = 2,8)	3,21	0,64	20 %
Позитивные чувства матери при взаимодействии с ребенком (крит. зн. = 3,3)	4,14	0,60	9 %
Безусловное принятие ребенка (крит. зн. = 3,2)	4,27	0,55	3 %
Отношение к себе как к родителю (принятие своей родительской роли) (крит. зн. = 3,1)	3,95	0,77	15 %
Преобладание позитивного эмоционального фона взаимодействия (крит. зн. = 3,0)	3,61	0,73	18 %
Стремление к телесному контакту (крит. зн. = 3,3)	4,21	0,62	12 %
Оказание эмоциональной поддержки (крит. зн. = 2,8)	3,99	0,53	1,5 %
Ориентация на состояние ребенка при взаимодействии (крит. зн. = 2,3)	2,84	0,60	12 %
Умение воздействовать на состояние ребенка (крит. зн. = 3,2)	3,66	0,75	26 %
Блок чувствительности (max = 15)	11,21	1,44	
Блок эмоционального принятия (max = 20)	15,98	2,26	
Блок поведенческих проявлений (max = 20)	14,70	1,77	

Анализ особенностей эмоционального взаимодействия матерей с детьми на всей выборке выявил, что средние показатели по всем 3 блокам близки к среднему уровню и не достигают критических значений. Наиболее выражены безусловное принятие ребенка, способность воспринимать его состояние, стремление к телесному контакту и позитивные чувства во взаимодействии.

Частотный анализ выявил, что наибольшие проблемы в эмоциональном взаимодействии связаны со сниженными показателями способности воспринимать состояние ребенка (у 27 % матерей), умения воздействовать на его состояние (26 %), эмпатии (20 %). Также проблемными зонами являются снижение эмоционального фона взаимодействия (18 %), недостаточное понимание причин состояния ребенка (16 %), проблемы с принятием своей родительской роли (15 %), сниженные показатели стремления к телесному контакту и ориентации на состояние ребенка (12 %). Наиболее благоприятная картина отмечается по шкалам: оказание эмоциональной поддержки – показатели снижены только у 1,5 % матерей, безусловное принятие (3 %) и позитивные чувства матери при взаимодействии с ребенком (9 %).

Что касается различий в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и наличия сиблингов, то выявлено лишь, что показатель «позитивные чувства матери при взаимодействии с ребенком» выше у матерей девочек ($F = 3,18, p < 0,1$) и в неполных семьях ($F = 2,84, p < 0,1$).

Результаты исследования интегральных характеристик функционирования семьи представлены в табл. 5.

Таблица 5

**Показатели семейной адаптации и сплоченности
по шкале FACES – III Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави**

Показатели по шкалам	Вся выборка (n = 74)	
	Ср. знач.	Ст. откл.
Реальная семейная сплоченность (max = 50)	36,05	4,14
Реальная семейная адаптация (max = 50)	30,53	4,22
Идеальная семейная сплоченность (max = 50)	38,91	2,96
Идеальная семейная адаптация (max = 50)	32,30	5,27
Неудовлетворенность семейной сплоченностью (разница идеал. и реал.)	2,84	4,14
Неудовлетворенность семейной адаптацией (разница идеал. и реал.)	1,35	5,31

Данные показывают преобладание разделенного типа сплоченности у семей нашей выборки. Это означает стремление к некоторой дистанции в отношениях. В то же время члены семьи способны обсуждать семейные проблемы, принимать общие решения и оказывать друг другу поддержку.

Средний показатель адаптации находится на границе гибкого и хаотичного типов адаптации. Гибкий тип связан с демократическим стилем руководства и с управляемостью системы, хаотичный свидетельствует о неустойчивости и ограниченности руководства, об импульсивности и непродуманности решений.

Разница в идеальных и реальных показателях свидетельствует об удовлетворенности матерей семейным функционированием.

У матерей девочек выше показатель «идеальная адаптация» ($F = 8,52, p < 0,01$). Различий по факторам возраста, структуры семьи и наличия сиблингов не обнаружено.

Корреляционный анализ проводился на общей выборке.

Рассмотрим корреляции компонентов эмоциональной компетентности с характеристиками семейного взаимодействия.

У показателей эмоциональной идентификации выявлен ряд взаимосвязей со стилевыми характеристиками воспитания и личностными особенностями матерей. Так, общий показатель эмоциональной идентификации и показатель восприятия экспрессивных мимических признаков по схематическим изображениям отрицательно коррелируют с гиперпротекцией ($p < 0,01$), с недостаточностью требований-обязанностей ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно), с неустойчивостью стиля воспитания ($p < 0,05$), с проекцией на ребенка собственных нежелательных качеств ($p < 0,01$). Общий показатель также отрицательно коррелирует с фобией утраты ребенка ($p < 0,05$). Понимание маркеров эмоциональной экспрессии при прорисовке эмоций отрицательно коррелирует с недостаточностью требований-обязанностей ($p < 0,01$). У показателя идентификации эмоций по фотографиям корреляций со стилевыми характеристиками воспитания не выявлено.

Выявлены взаимосвязи показателей эмоциональной идентификации и эмоционального взаимодействия матерей с детьми. Общий показатель эмоциональной идентификации и показатель восприятия экспрессивных мимических признаков по схематическим изображениям положительно коррелируют с общим показателем по блоку «эмоциональное принятие» ($p < 0,05$) и с показателем преобладания позитивных чувств при взаимодействии ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно). Общий показатель эмоциональной идентификации также положительно коррелирует с позитивным эмоциональным фоном взаимодействия ($p < 0,05$), а восприятие экспрессивных признаков – с безусловным принятием ($p < 0,05$). Понимание эмоционального содержания положительно коррелирует с умением матери воздействовать на

состояние ребенка ($p < 0,05$). Наиболее интересно то, что идентификация эмоций по фотографиям отрицательно коррелирует с пониманием причин состояния ребенка ($p < 0,05$).

Корреляций показателей эмоциональной идентификации с показателями семейной адаптации и сплоченности не выявлено.

У показателей эмпатии не выявлено корреляций со стилевыми характеристиками воспитания, но обнаружены взаимосвязи с параметрами эмоционального взаимодействия матерей с детьми. Гуманистический тип эмпатии более выражен (а эгоцентрический, соответственно, менее выражен) при высоких общих показателях по блокам принятия и поведенческих проявлений взаимодействия у матерей ($p < 0,05$), при высоких показателях умения воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,01$), способностей воспринимать состояние ребенка, понимать причины его состояния, принятия своей родительской роли и стремления к телесному контакту ($p < 0,05$). Чем больше неудовлетворенность матерей семейной адаптацией, тем менее выражен у детей гуманистический тип эмпатии и более выражен эгоцентрический ($p < 0,05$).

У эмоциональной экспрессии выявлено всего 2 корреляции (положительных) с характеристиками семейного взаимодействия: с чрезмерностью санкций и в то же время с показателем позитивных чувств матери при взаимодействии, что обнаруживает противоречивый характер взаимосвязей экспрессии с благополучием в детско-родительских отношениях.

Интегральный показатель «уровень сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности» ниже при более высоких показателях недостаточности требований-обязанностей ($p < 0,01$), гиперпротекции, фобии утраты ребенка и проекции на ребенка собственных нежелательных качеств ($p < 0,05$). Он выше при более высоком общем показателе по блоку эмоционального принятия ребенка ($p < 0,05$) и при более высоких показателях по шкалам: «позитивные чувства при взаимодействии с ребенком» ($p < 0,01$), «принятие родительской роли», «позитивный эмоциональный фон взаимодействия», «умение воздействовать на состояние ребенка» ($p < 0,05$). С показателями семейной адаптации и сплоченности у уровня эмоциональной компетентности взаимосвязей не выявлено.

Перейдем к взаимосвязям маркеров эмоциональной компетентности с характеристиками семейного взаимодействия. Самооценка коррелирует только со стилевыми характеристиками воспитания: положительно – с чрезмерностью требований-обязанностей ($p < 0,01$) и отрицательно – с их недостаточностью ($p < 0,05$).

Тревожность положительно коррелирует с чрезмерностью санкций, с предпочтением матерью в ребенке детских качеств ($p < 0,05$), что закономерно. Неожиданным оказалось отсутствие корреляций тревожности с показателями эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми. Также выявлены положительные корреляции тревожности с показателями «реальная семейная адаптация» и «идеальная семейная сплоченность» ($p < 0,05$).

Большое количество взаимосвязей выявлено у показателей страхов с показателями стилевых характеристик воспитания и личностных особенностей матерей. Так, расширение сферы родительских чувств, как и неразвитость родительских чувств, взаимосвязаны с меньшей выраженностью общего количества страхов ($p < 0,05$), страхов физического ущерба ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно). Расширение сферы родительских чувств также взаимосвязано с меньшей выраженностью страхов кошмарных снов ($p < 0,01$) и социально опосредованных страхов ($p < 0,05$), а неразвитость родительских чувств – со страхами животных и сказочных персонажей ($p < 0,05$). Неустойчивость стиля воспитания взаимосвязана с меньшей выраженностью страхов физического ущерба, социально опосредованных страхов и страха смерти ($p < 0,05$). При более выраженной у матерей фобии утраты ребенка у детей

меньше количество страхов кошмарных снов ($p < 0,01$) и физического ущерба ($p < 0,05$). Страх смерти менее выражен при предпочтении в ребенке детских качеств ($p < 0,01$) и воспитательной неуверенности матери ($p < 0,05$). Медицинские страхи более выражены при потворствовании, а страхи животных и сказочных персонажей – при чрезмерности требований-обязанностей ($p < 0,05$). У пространственных страхов корреляций не выявлено.

Не выявлено корреляций страхов с показателями эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми.

Выявлено, что страхи смерти и кошмарных снов менее выражены при более высоких показателях адаптации/гибкости семейной системы ($p < 0,05$). Страх смерти у детей более выражен при неудовлетворенности матерей семейной сплоченностью ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Полученные нами данные о сформированности разных компонентов идентификации эмоций согласуются с данными других исследований, где также обнаружено, что сложнее всего детям самостоятельно прорисовывать эмоции, и что идентификация эмоций по фотографиям вызывает у дошкольников большие трудности по сравнению со схематичными изображениями [4, 7, 19, 36]. Так, в исследовании М.Н. Андерсон выявлено, что и мальчики, и девочки всех возрастов от 6 до 11 лет лучше распознают схематические изображения эмоций в сравнении с их аналогами на фотографиях. Это связано с более обобщенными признаками эмоций на схематических изображениях [36].

Небольшое преобладание гуманистического типа эмпатии над эгоцентрическим перекликается с данными других исследований, где показано, что более 60 % старших дошкольников способны проявлять сочувствие и оказывать помощь другому как в ситуации прогнозирования [9], так и в реальном взаимодействии со сверстниками [10].

По оценкам матерей дети характеризуются высокой эмоциональной экспрессией.

Высокий уровень самооценки у старших дошкольников нашей выборки согласуется с данными проведенных ранее исследований [37, 15], где выявлено преобладание высокой самооценки у старших дошкольников и лишь первые признаки критичности в самооценке детей.

Сопоставим наши данные о высокой тревожности детей с результатами других исследований. Как уже упоминалось, на выборке более 300 детей 4-7 лет из Санкт-Петербурга, Новосибирска и Архангельска был выявлен средний уровень тревожности по тесту Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен [15]. Высокая тревожность характерна для 37 % детей 5,5-7 лет из Москвы [16] и для 35 % старших дошкольников из г. Ельца Липецкой области [17]. По данным Н.Ю. Крутицкой высокая тревожность характерна для детей 5-7 лет из сельского ГДОУ Ленинградской области, из ГДОУ Санкт-Петербурга – средняя [19]. В то же время в исследовании И.В. Илларионовой на выборке 210 детей 4-7 лет из г. Чебоксары выявлено, что высокий уровень тревожности характерен для 52 % дошкольников. Микровозрастной анализ показал, что высокая тревожность характерна для 57 % детей 5-6 лет. Именно на 5-6 лет приходится самый большой процент детей с высокой тревожностью (по сравнению с возрастными диапазонами 4-5 лет и 6-7 лет [18]). Можно предположить, что расхождение наших данных с данными других исследований связано с более широким возрастным диапазоном участников этих исследований: 4-7 лет и 5-7 лет.

Что касается выявленных нами страхов у детей, то следует отметить, что наши данные помогают согласовать некоторые противоречия, выявленные в современных исследованиях. Как и по данным А.И. Захарова [11], и по данным.

Чернобровкиной С.В. и Гусаровой В.В. [12], в нашем исследовании выявлена высокая выраженность страха смерти у детей (он ведущий из отдельных страхов, а по выраженности категорий занимает третью позицию). В то же время категория социальных страхов в нашем исследовании занимает второе место по выраженности, что согласуется с данными Ю.А. Кочетовой, показывающими значимость этой группы страхов у современных детей [13]. Страхи более выражены у девочек по сравнению с мальчиками, что подтверждает данные А.И. Захарова [11].

Основные различия в показателях компонентов и маркеров эмоциональной компетентности выявлены по фактору пола. У девочек на уровне статистической тенденции уровень сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности выше, чем у мальчиков. У девочек также выше самооценка и в то же время количество страхов. По факторам возраста и структуры семьи различий не выявлено (что касается структуры семьи это можно объяснить небольшим количеством неполных семей в нашей выборке). Что касается наличия сиблингов, то на уровне статистической тенденции у детей, их имеющих, более выражены медицинские страхи, а также страхи животных и сказочных персонажей. То, что у девочек выше и страхи, и эмоциональная компетентность можно объяснить компенсаторным механизмом через распознавание эмоций. Более чувствительные, сензитивные девочки более успешны в идентификации эмоций.

Перейдем к обсуждению результатов изучения семейного взаимодействия. Выявленная нами картина, касающаяся стилевых характеристик воспитания, свидетельствует о наиболее частом отклонении матерей в сторону потворствующей гиперпротекции. Так, 41 % матерей характеризуется недостаточностью санкций, для 18 % типична гиперпротекция, для 17 % – минимум требований-обязанностей и требований-запретов по отношению к детям. Эти данные похожи на результаты других современных исследований. Так, на выборке 260 матерей дошкольников от 3 до 7 лет в стилевых характеристиках воспитания у матерей выявлена триада недостаточности: санкций (32,3 %), запретов (20 %) и требований (11,9 %) [38]. По данным этого исследования для отцов дошкольников также характерны недостаточность санкций (42,5 %) и запретов (20 %). Минимальность запретов и склонность к потворствующей гиперпротекции была обнаружена также в исследовании на выборке 172 дошкольников 4-7 лет [15]. Похожая ситуация обнаружена и в более ранний период на выборке 117 матерей детей от 2 до 4 лет – для них характерны диада недостаточности: санкций (41 %) и запретов (32 %), а также гиперпротекция (29 %) [39].

Выявленный нами высокий процент матерей (24 %), склонных к предпочтению в ребенке (независимо от пола) женских качеств перекликается с данными упомянутого выше исследования – распространено предпочтение женских качеств у детей (у 13 % матерей и у 15 % отцов) [38].

Следует отметить, что старший дошкольный возраст связан с вхождением в период возрастного кризиса, который условно называют «кризис семи лет» (он протекает чаще уже на седьмом году жизни). В период кризиса родители часто не готовы перестроиться в связи с растущей самостоятельностью ребенка. Полученные нами данные перекликаются с результатами современных исследований, где показано, что во время кризиса родители, наоборот, часто усиливают свою опеку и контроль, стремятся к инфантилизации ребенка, предпочитая в нем детские качества [40].

При общем благополучии в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми, высоком безусловном принятии обнаружены и проблемные зоны: снижение способности воспринимать состояние ребенка (у 27 % матерей), воздействовать на его состояние (26 %), эмпатии (20 %), эмоционального фона взаимодействия (18 %), недостаточное понимание причин состояния ребенка (16 %), проблемы с принятием своей родительской роли (15 %). Эти данные в целом

перекликаются с данными других исследований, где также выявлено высокое безусловное принятие детей и проблемные зоны по блоку чувствительности: трудности при восприятии состояния ребенка (26 % и 12 %), понимании причин его состояния (20 % и 21%), сниженная эмпатия (31 % и 16 %) [15, 39]. Также в этих исследованиях проявилось недостаточное умение воздействовать на состояние ребенка (у 22 % и 23 % матерей соответственно).

Данные показывают преобладание разделенного типа сплоченности и примерно одинаковую представленность гибкого и хаотичного типов адаптации у семей нашей выборки. Сопоставление наших результатов с данными Ю.Ю. Улановой на более младшей выборке (дети от 2 до 4 лет) [39] показывает тенденции уменьшения сплоченности семей по мере взросления детей и движение в сторону хаотичного типа семейной адаптации.

Различия в характеристиках семейного взаимодействия в связи с факторами пола, возраста, структуры семьи и наличия сиблингов очень немногочисленны и в целом закономерны.

Перейдем к результатам корреляционного анализа. Выявлено, что распознавание эмоций в целом менее сформировано при стилевых характеристиках воспитания, связанных с гиперопекой ребенка, с неустойчивостью стиля воспитания, а также с проекцией матерями на ребенка собственных нежелательных качеств. Интересно то, что со стилевыми характеристиками воспитания связана идентификация эмоций по схематичным изображениям, но не по фотографиям. Как уже отмечалось, идентификация эмоций по фотографиям более сложна для дошкольников, чем определение эмоций по схематичным изображениям, возможно, на ее уровень оказывают влияние другие факторы (например, когнитивные), что нивелирует действие стилевых характеристик воспитания.

Распознавание эмоций в целом оказалось выше при эмоциональном принятии ребенка. Понимание маркеров эмоциональной экспрессии лучше при умении воздействовать на состояние ребенка, которое относится к блоку поведенческих проявлений. Наряду с этим выявлен и компенсаторный механизм – по фотографиям эмоции лучше определяют те дошкольники, матери которых хуже понимают причины состояния ребенка. Можно предположить что, когда матери менее внимательны к детям, детям приходится подстраиваться под них и учиться понимать их эмоции.

Таким образом, эмоциональная идентификация оказалась более всего связана со стилевыми характеристиками воспитания, но также ее взаимосвязи выявлены и с параметрами эмоционального взаимодействия матерей с детьми.

Эмпатия у дошкольников взаимосвязана, прежде всего, с благополучием в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми – развитию гуманистического характера эмпатии у детей способствуют его эмоциональное принятие со стороны матери и зрелость ее поведенческих проявлений при взаимодействии. Эти данные согласуются с выводами С.Н. Сорокоумовой о ключевой роли эмоционального компонента детско-родительского взаимодействия для развития эмпатии детей [10].

Выявлен противоречивый характер взаимосвязей экспрессии с благополучием в детско-родительских отношениях: она положительно коррелирует как с чрезмерностью санкций, так и с показателем позитивных чувств матери при взаимодействии. С одной стороны, позитивные чувства матери могут способствовать развитию экспрессивности ребенка, и в свою очередь, яркость выражения ребенком положительных эмоций может повышать удовлетворенность матери. С другой стороны, экспрессия может быть связана с выражением негативных эмоций, а также отражать общую высокую эмоциональность ребенка, что может создавать проблемы в его поведении и способствовать более частым наказаниям. Также можно предположить, что более склонные к наказаниям матери сами отличаются высокой эмоциональной

экспрессивностью. Таким образом, положительная связь экспрессивности детей и большей склонности матерей к наказаниям может опосредоваться разными факторами, ее сложно отнести однозначно к компенсаторным механизмам. Эти данные требуют уточнения.

Взаимосвязи интегрального показателя сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности показывают следующее. Интерперсональный блок эмоциональной компетентности у дошкольников лучше сформирован при более высоком эмоциональном принятии их матерями, зрелости поведенческих проявлений матерей при эмоциональном взаимодействии и стилевых характеристик воспитания. Гиперопека матерей и комплекс характеристик, с ней связанных, так же, как и проекция на ребенка собственных нежелательных качеств взаимосвязаны с более низким уровнем сформированности интерперсонального блока эмоциональной компетентности детей.

Проинтерпретируем взаимосвязи маркеров эмоциональной компетентности с характеристиками семейного взаимодействия.

Корреляции самооценки выявлены только со стилевыми характеристиками воспитания: она выше при чрезмерности требований-обязанностей и ниже при их недостаточности. Можно предположить, что это связано с тем, что старшие дошкольники, вступая в кризис 6-7 лет, стремятся к самостоятельности. Соответственно, те дети, у которых эта потребность удовлетворяется, имеют более высокую самооценку.

Выявлено, что тревожность детей выше при более выраженных наказаниях в семье и в то же время при предпочтении матерью в ребенке детских качеств. Это также согласуется с данными исследования И.В. Илларионовой, где выявлено, что дети 5-6 лет наиболее восприимчивы к стилю воспитания, при авторитарной гиперсоциализации у 24 % детей отмечается высокая тревожность [18]. По данным Н.В. Мазуровой и Ю.А. Трофимовой родители детей с высокой тревожностью характеризуются выраженностью таких параметров взаимодействия как установка на инфантилизацию ребенка и авторитарная гиперсоциализация (по опроснику ОРО А.Я. Варги и В.В. Столина), воспитательная конфронтация и высокий контроль (по опроснику И.М. Марковской) [16]. Отсутствие корреляций тревожности с показателями эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми оказалось неожиданным и требует дальнейшего уточнения.

Также требует уточнения выявленная нами положительная корреляция тревожности с показателем «реальная семейная адаптация». Если положительная взаимосвязь тревожности с показателем «идеальная семейная сплоченность» может косвенно отражать тревожность самих матерей (через их желание очень высокой сплоченности семьи), то взаимосвязь с гибкостью, адаптивностью семьи не выглядит закономерной и, по-видимому, опосредована другими факторами (возможно, чувствительностью матерей).

Страхи у дошкольников менее выражены при стилевых характеристиках воспитания и личностных особенностях матерей, свидетельствующих об их мягкости, неуверенности и стремлении к опеке ребенка. В то же время потворствование ребенку может усилить группу медицинских страхов (болезней, боли, врачей, уколов). При требовательности матерей могут усиливаться страхи животных и сказочных персонажей.

Неожиданным оказалось отсутствие корреляций страхов с показателями эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми (как и у самооценки, и у тревожности).

В то же время выявлены связи страхов у детей с интегральными характеристиками семейного функционирования. Гибкость семейной системы может способствовать меньшей выраженности страхов смерти и кошмарных снов. Неудовлетворенность матерей семейной сплоченностью сочетается с выраженным страхом смерти у детей.

Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась. Можно сделать следующие основные **выводы**:

1. Безусловное принятие ребенка, зрелость поведенческих проявлений матерей при эмоциональном взаимодействии и стилевых характеристик воспитания могут рассматриваться в качестве ресурсов для формирования интерперсонального блока эмоциональной компетентности у старших дошкольников. При этом для идентификации эмоций и экспрессии важны как особенности эмоционального взаимодействия, так и стилевые характеристики, а для эмпатии – эмоциональная сторона отношений.

2. Неблагоприятными факторами семейного взаимодействия для формирования интерперсонального блока эмоциональной компетентности старших дошкольников выступают стилевые характеристики воспитания, связанные с гиперопекой ребенка, проекция на ребенка собственных нежелательных качеств. Идентификация эмоций в целом менее сформирована при неустойчивости стиля воспитания.

3. Обнаружен компенсаторный механизм в формировании эмоциональной компетентности при проблемных зонах семейного взаимодействия. Так, по фотографиям эмоции лучше определяют те дошкольники, матери которых хуже понимают причины состояния ребенка. Можно предположить, что при меньшей внимательности матерей детям приходится подстраиваться под них, что улучшает понимание эмоций.

4. Маркеры эмоциональной компетентности детей взаимосвязаны, прежде всего, со стилевыми характеристиками воспитания и личностными особенностями матерей, влияющими на воспитание. Так, самооценка дошкольников выше при требовательности матерей в плане обязанностей детей. Тревожность детей выше при более выраженных наказаниях в семье и в то же время при предпочтении матерью в ребенке детских качеств. Страхи у детей менее выражены не при воспитательной зрелости матерей (как мы предполагали), а при особенностях воспитания, указывающих на мягкость, неуверенность родителей и их стремление к опеке ребенка. В то же время усиливать страхи могут потворствование и, наоборот, излишняя требовательность. Гибкость семейной системы и удовлетворенность матерей семейной сплоченностью взаимосвязаны с меньшей выраженностью страхов смерти и кошмарных снов у детей. Взаимосвязей маркеров эмоциональной компетентности с показателями эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми в отличие от ее компонентов не выявлено.

5. На интерперсональные компоненты и маркеры эмоциональной компетентности оказывает влияние фактор пола. Так, девочки характеризуются более высоким уровнем эмоциональной компетентности (на уровне статистической тенденции), более высокой самооценкой и в то же время большим количеством страхов. У дошкольников, имеющих сиблингов, на уровне статистической тенденции более выражены медицинские страхи, а также страхи животных и сказочных персонажей. По факторам возраста и структуры семьи различий не выявлено.

Ограничения нашего исследования связаны, прежде всего, с двумя факторами. Первый – в исследовании не задействованы отцы, участвовали только матери. Второй момент касается того, что в структуре эмоциональной компетентности мы представили данные только по интерперсональному блоку, без учета интраперсонального (рефлексии и саморегуляции). Также желательно уточнение данных на более представительных выборках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щетинина, А.М. Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека [Текст] / А.М. Щетинина // Вопросы психологии. – 1984. – №3. – С. 60-66.
2. Былкина, Н.Д., Люсин, Д.В. Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе [Текст] / Н.Д. Былкина, Д.В. Люсин // Вопросы психологии. – 2000. – №5. – С. 38-48.
3. Листик, Е.М. Развитие способности к распознаванию эмоций в старшем дошкольном возрасте [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Е.М. Листик. – М., 2003. – 175 с.
4. Изотова, Е.И., Никифорова, Е.В. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика [Текст] / Е.И. Изотова, Е.В. Никифорова. – М.: Академия, 2004 – 288 с.
5. Durand, K., Gallay, M., Seigneuric, A., Robichon, F., Baudouin, J.Y. The development of facial emotion recognition: the role of configural information [Text] / K. Durand, M. Gallay, A. Seigneuric, F. Robichon, J.Y. Baudouin // Journal of Experimental Child Psychology. – 2007. – Vol. 97. №1. – P. 14-27. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jecp.2006.12.001>.
6. Сергиенко, Е.А. Модель психического и теория Ж. Пиаже [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n1-3/48-sergienko3.html> (дата обращения: 07.12.2018).
7. Карелина, И.О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс [Текст]: монография / И.О. Карелина. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 178 с.
8. Ошкина, А.А., Цыганкова, И.Г. Формирование эмоциональной саморегуляции у старших дошкольников [Текст] / А.А. Ошкина, И.Г. Цыганкова. – М.: Центр педагогического образования, 2015. – 128 с.
9. Васильева, Е.Н. К проблеме возрастной сензитивности в проявлении эмпатии у детей дошкольного возраста [Текст] / Е.Н. Васильева // Вопросы психологии. – 2005. – №3. – С. 15-25.
10. Сорокоумова, С.Н. Развитие эмпатии у старших дошкольников с задержкой психического развития к сверстникам через оптимизацию детско-родительских отношений [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / С.Н. Сорокоумова. – Нижний Новгород, 2005. – 339 с.
11. Захаров, А.И. Дневные и ночные страхи у детей [Текст] / А.И. Захаров. –СПб.: Изд-во Союз, 2000. – 448 с.
12. Чернобровкина, С.В., Гусарова, В.В. Воображение как фактор проявления тревожности и страхов дошкольников [Текст] / С.В. Чернобровкина, В.В. Гусарова // Вестник Омского университета. – Серия «Психология» – 2016. – № 2. – С. 42-52.
13. Кочетова, Ю.А. Страхи современных дошкольников и их связь с особенностями детско-родительских отношений [Текст] / Ю.А. Кочетова // Психологическая наука и образование. – 2012. № 3. – С. 77-87.
14. Прихожан, А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика [Текст] / А.М. Прихожан – М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. – 304 с.

15. Головей, Л.А., Василенко, В.Е., Савеньшева, С.С. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника [Текст] / Л.А. Головей, В.Е. Василенко, С.С. Савеньшева // Социальная психология и общество. – 2016. Том 7. № 2. – С. 5-18. doi:10.17759/sps.2016070201.
16. Мазурова, Н.В., Трофимова, Ю.А. Взаимосвязь тревожности детей дошкольного возраста и стиля семейного воспитания [Текст] / Н.В. Мазурова, Ю.А. Трофимова // Вопросы современной педиатрии. – 2013. – Том 12. № 3. – С. 82-88. doi: 10.15690/vsp.v12i3.686.
17. Фаустова, И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявление эмоционального неблагополучия в дошкольном возрасте [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (дата обращения: 07.12.2018).
18. Илларионова, И.В. Исследование проявлений тревожности у детей дошкольного возраста в аспекте детско-родительских отношений [Текст] / И.В. Илларионова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2011. – №3 (71). Ч 2. – С. 100-107.
19. Крутицкая, Н.Ю., Василенко, В.Е. Сравнительный анализ эмоционального развития сельских и городских старших дошкольников, посещающих ГДОУ [Текст] / Н.Ю. Крутицкая, В.Е. Василенко // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ; под ред. А.В. Шаболтас. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. – Т.1, № 1. – С. 127-132.
20. Чикова, И.В. Проблема эмоционального неблагополучия детей дошкольного возраста [Текст] / И.В. Чикова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. №1 (18). – С. 165-167.
21. Denham, S.A., Blair, K.A., DeMulder, E., Levitas, J., Sawyer, K., Auerbach-Major, S., Queenan, P. Preschool emotional competence: Pathway to social competence [Text] / S.A. Denham, K.A. Blair, E. DeMulder, J. Levitas, K. Sawyer, S. Auerbach-Major, P. Queenan // Child Development. – 2003. – Vol. 74, №1. – P. 238–256. doi: 10.1111/1467-8624.00533.
22. Mirabile, S.P., "Emotion Socialization, Emotional Competence, and Social Competence and Maladjustment in Early Childhood" / S.P. Mirabile. University of New Orleans Theses and Dissertations. 2010. Paper 1159. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0254/2c74e312b126aec264a728392ed90bd7813e.pdf>.
23. Смирнова, Н.Н., Савеньшева, С.С. Теоретические аспекты исследования эмоциональной компетентности детей дошкольного возраста // Интернет-журнал «Мир науки», 2017, Том 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/48PSMN217.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
24. Morris, A.S., Silk, J.S., Steinberg, L., Myers, S.S., Robinson, L.R. The Role of the Family Context in the Development of Emotion Regulation [Text] / A.S. Morris, J.S. Silk, L. Steinberg, S.S. Myers, L.R. Robinson // Social Development. – 2007. Vol. 16. № 2. – P. 361-388.
25. Pollak, S.D. & Tolley-Schell, S.A. Selective attention to facial emotion in physically abused children [Text] / S.D. Pollak & S.A. Tolley-Schell // Journal of Abnormal Psychology. – 2003. – Vol. 112. №3. – P. 323-338.
26. Reynolds, T. Understanding emotion in abused children // Observer. – 2003. – Vol. 3. №6. [Electronic resource]. URL: <https://www.psychologicalscience.org/observer/understanding-emotion-in-abused-children>.

27. Kujawa, A., Dougherty, L., Durbin, C.E., Laptook, R., Torpey, D. & Klein, D.N. Emotion Recognition in Preschool Children: Associations with Maternal Depression and Early Parenting [Text] / A. Kujawa, L. Dougherty, C.E. Durbin, R. Laptook, D. Torpey & D.N. Klein // Development and Psychopathology. – 2014. – Vol. 26, №1. P. 159-170. doi: 10.1017/S0954579413000928.
28. Eaton, K.L. Family expressiveness and emotion understanding: A meta- analysis of one aspect of parental emotion socialization: Masters Dissertation. – Raleigh. – 2001. – 53 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.lib.ncsu.edu>.
29. Горбунова, Н.В., Трошихина, Е.Г. Особенности родительских установок женщин, имеющих детей раннего дошкольного возраста [Текст] / Н.В. Горбунова, Е.Г. Трошихина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 2. – С. 274-278.
30. Ale, C., Chorney, D., Brice, C. & Morris, T. Facial affect recognition and social anxiety in preschool children [Text] / C. Ale, D. Chorney, C. Brice & T. Morris // Early Child Development and Care. – 2010. – Vol.180. №10. – P. 1349-1359. doi: 10.1080/03004430903059318.
31. Довгая, Н.А. Эмоциональное развитие дошкольников в связи с особенностями семейной ситуации [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Довгая. – Санкт-Петербург, 2012. – 238 с.
32. Падурина, Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Е.А. Падурина. – Екатеринбург, 2008. – 231 с.
33. Щетинина, А.М. Диагностика социального развития ребенка [Текст]: Учебно-методическое пособие / А.М. Щетинина – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 88 с.
34. Практикум по психологии развития [Текст] / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко – СПб.: Речь, 2002. – 694 с.
35. Лидерс, А.Г. Психологическое обследование семьи [Текст] / А.Г. Лидерс – М.: Академия, 2008. – 430 с.
36. Андерсон, М.Н. Возрастная изменчивость распознавания эмоций детьми от 6 до 11 лет [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / М.Н. Андерсон. – Санкт-Петербург, 2013. – 132 с.
37. Буй Тхи Вьет. Формирование адекватности самооценки у детей 5-6 лет в продуктивной деятельности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Буй Тхи Вьет. – М., 2006. – 225 с.
38. Головей, Л.А., Савеньшева, С.С., Василенко, В.Е., Энгельгардт, Е.Е. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель-ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты [Текст] / Л.А. Головей, С.С. Савеньшева, В.Е. Василенко, Е.Е. Энгельгардт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 84-95.
39. Уланова, Ю.Ю. Возрастно-половые и семейные факторы проявлений кризиса трех лет у детей [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Ю.Ю. Уланова. – СПб, 2017. – 235 с.
40. Головей, Л.А., Савеньшева, С.С., Василенко, В.Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства [Текст] // Психологический журнал. – 2015. – Том 36, №2. – С. 32-43.

Sergunicheva Nadezhda Aleksandrovna

Saint Petersburg state university, Saint Petersburg, Russia
E-mail: sergunicheva.n@gmail.com

Vasilenko Victoria Evgenievna

Saint Petersburg state university, Saint Petersburg, Russia
E-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Interpersonal components and markers of preschoolers' emotional competence due to characteristics of family interaction

Abstract. This article is devoted to analysis of the correlations between interpersonal components of the older preschoolers' emotional competence (identification of emotions, empathy, expression), its markers (self-assessment, anxiety, fears) and characteristics of family interaction (parenting styles, mother-child emotional interaction, family adaptation and cohesion). Sample: 74 mother-child dyads: 37 boys and 37 girls; 5-year-olds ($n = 38$) and 6-year-olds children ($n = 36$) from Saint-Petersburg. Correlation analysis revealed that a more formed preschoolers' interpersonal block of emotional competence (in overall) was associated with high emotion acceptance of the child, maturity of maternal behavioral manifestations in emotional interaction. A lower level of preschoolers' emotional competence is associated with deficiency of demands-obligations to the child, more pronounced overprotection, phobia of losing the child and projection of own undesirable qualities on the child. For the emotional identification and expression both the features of emotional interaction and parenting styles are important, and for empathy – well-being in the mother-child emotional interaction. Identification of emotions is less formed in the case of instability of parenting style. The compensatory mechanism was found in the formation of emotional competence in the case of problems in family interaction. Preschoolers whose mothers have a lower understanding the causes of child's state recognize emotions from photographs better. The markers of child's emotional competence are associated, first of all, with the characteristics of parenting styles and personal problems of mothers in upbringing. Thus, preschoolers' self-esteem is higher in the case of mother's demands to child's obligations. The anxiety of children is associated with more pronounced punishments in the family and at the same time with mother's preference to childish traits. The fears of children are less pronounced in the case of extension of parental feelings, instability of parenting style, mother's preference to childish traits and parental educational uncertainty, which indicates the mother's softness and insecurity, in the case of the underdevelopment of parental feelings. At the same time, fears can be increased by indulgence and, conversely, by excessive demands, obligations. Fears are less pronounced in the case of the family flexibility and maternal satisfaction with family cohesion. Thus, the unconditional acceptance of the child, the maturity of the behavioral manifestations in emotional interaction and parenting styles can be regarded as resources for older preschoolers' emotional competence.

Keywords: older preschoolers; emotional competence; interpersonal components and markers of emotional competence; identification of emotions; empathy; expression; self-esteem; anxiety; fears; parenting styles; mother-child emotional interaction; family adaptation and cohesion